

sudkem, ale spíš s jistou nostalgií se dívám na znemožňování takových „hyperkorektních“ tvarů v knižním jazyce, jazyce, který naproti tomu bez shovívavosti vynucuje tvary jen na *-y/-i* u maskulin a neuter. Jakživ nepochopím, proč by musilo být nesprávné „mezi stupněmi oltářů“, když jediným důvodem je justament o nepřipustění variant tolerovaných ještě aspoň do jisté míry Gebauerem, když jinak jsou právě dnes varianty v oblastech jiných připouštěny dost liberálně.

Budiž mi prominut tento trochu obšírnější exkurs. Vyplynul ze zaujetí pro dobrou knížku, ze snahy o případné její vylepšení při dalším vydání, které si patrně pro dost malý náklad 1200 výtisků brzy vynutí.

František Kopečný

Jacques Veyrenc: *Les formes concurrentes du gérondif passé en russe*. Paris 1962, 298 p. (Thèse principale pour le doctorat ès lettres. Présentée à la faculté des lettres de l'université de Paris.)

Речь идет о книге, посвященной исследованию семантики и функций параллельных форм деепричастий прошедшего времени на *-e* и на *-вши* (*-вшишь*). В руки рецензента она по воле судьбы попала с большим опозданием после своего выхода в свет, однако было бы очень жаль не обратить на нее внимание грамматистов-русистов. Ее автор, молодой профессор Жак Веранк, на основе детального микроанализа стремится в ней пролить свет на затруднительную тему, не получившую до сих пор подобающей обработки даже со стороны русских языковедов, хотя литература о деепричастиях (и причастиях) в русском языке и в других славянских языках постоянно разрастается. Избранный фрагмент грамматической системы исследуется диахронически, причем в центре внимания стоит линия развития 17—20 веков по настоящее время (на фоне заимствованных основных данных по исходному состоянию в древнейшем русском языке и с солидными собственными зондами по 15—16 вв.). Обширный, добросовестный труд бесспорно заслуживает высокой оценки, так как он дает богатый языковой материал и много интересных наблюдений, вскрывая даже некоторые новые, пока что не высказанные общие закономерности.

В основе работы лежит правильная мысль о том, что различие в области форм (*-e/-вши*) не может не сопровождаться различием семантики. Подтвердить это положение анализируемыми фактами речи и установить природу соответственного семантического различия (с его исторической изменчивостью) в плане языка требовало, несомненно, кропотливого труда. Можно согласиться с принципиальным разделением материала на два раздела, следующие за предварительными вводными замечаниями (стр. 5—22): в первом разделе содержится анализ деепричастных форм совершенного вида (стр. 23 до 165), а во втором — несовершенного вида (стр. 167—237). Первый раздел намечает сначала общую историческую динамику сосуществования параллельных форм, „долгой“ (*-вши*) и „краткой“ (*-e*). Долгая форма, всегда свойственная прежде всего народной речи, все реже встречается в настоящее время в литературном языке, достигнув кульминационного пункта своей частотности в 19 в. (особенно у Гоголя и Щедрина), после явного преобладания краткой формы в 18 в., рекомендованной М. В. Ломоносовым; у отдельных литераторов наблюдаются значительные расхождения. По поводу семантики В. устанавливает, что форма *-вши* наделена большей адъективностью (вследствие своей близости к причастным формам на *-вший*), почему ее употребление связано прежде всего с позицией, занимаемой также именем прилагательным, т. е. с позицией предикативного определителя (тип *он стоит покрасневши*) и именного предиката (тип *он покрасневши*, в перфектном значении), между тем как краткая форма, в большей степени „глагольная“, всегда преобладает в позиции второстепенного сказуемого (по автору — в аппозитивной функции, тип *покраснев, он себя выдал*), как будто замещая собою финитную форму на *-а*; корреляция эта формулируется в виде интересного обобщающего правила (ср. стр. 126: „... la fréquence d'emploi du gérondif passé de type long est inversement proportionnelle au coefficient de dissociation caractéristique de l'apposition“). Понятно, что в рамках всего первого раздела немало внимания уделяется историческому взаимоотношению конкурирующих возвратных форм, краткой и долгой (напр. *умылся / умывшишь*), и что освещаются также парадигматические связи всех партиципальных форм в целом, в частности связь деепричастия с причастием (здесь В., между прочим, формулирует следующее любопытное обобщение применительно к русскому языку и его диалек-

там, а также и к другим славянским языкам: наличие причастного типа *написавший* не уживается с наличием деепричастного типа *написавши*, и наоборот, стр. 147).

Второй, менее пространный, раздел монографии, рассматривающий употребление деепричастия прошедшего времени несовершенного вида (стр. 169—237), опирается на общие положения первого раздела, затрагивая особенно следующие частные проблемы: роль параллельных форм *бывши* / *будучи* в ее диахронии, как и устойчивых форм *видев*, *слышав*, *шед* в древнем языке (179—192), соотношение значимости предшествования (тип *долго искав*, *воскликнул*) и одновременности (тип *говорили*, *ужинавши*) прошедшего деепричастия (193—216), его „интенсифицирующее“ значение (217—222, тип *я уж устала искавши*) и предикативное употребление (223—232). Автору удалось здесь, благодаря богатству привлеченного материала, опровергнуть некоторые неточные традиционные взгляды. Так, им было убедительно доказано, что данное деепричастие (к настоящему времени уже, конечно, вышедшее из употребления) могло выражать не только временное отношение одновременности, но и предшествования, что правило о якобы обязательном совпадении его с планом прошедшего времени главного действия неверно; по-новому и совершенно обоснованно им выдвигается отмеченный интенсифицирующий семантический тип.

Весьма положительной оценки заслуживает образцовая внутренняя архитектура всей монографии, рассчитанная на максимально легкую ориентацию читателя. В конце каждой главы (их всего 19) даются сжатые выводы соответственных изложений, подобными обобщающими заключениями снабжены и оба основных раздела книги, в конце всей работы (стр. 241—249) еще раз дается подытоживающее обобщение всех произведенных изысканий. Кроме того, в своей последней части книга оснащена целым рядом указателей (стр. 251—298), между прочим указателем точных количественных данных по 12 аспектам в рассматривавшихся текстах. Вообще, В. на протяжении всего труда всюду приводит конкретные статистические указания. Такой прием может служить примером методики количественной лингвистики, позволяя, вместе с тем, строить все наблюдения на подлинно объективных, надежных основаниях, с минимумом „интуитивных“ истолкований.

Стремление к позитивистской объективности проявляется также и в том, что при всякой документации последовательно проводится строгая хронологическая стратификация; описываемые факты всегда снабжаются датировкой, кое-где принимается в расчет даже филиация текстов одного и того же автора. Монография зиждется на громадном, в высшей степени репрезентативном материале художественной литературы новорусского языка (включая и такие произведения, как *Доктор Живаго* Пастернака, сатиры Зоценко и т. п.) и литературы различных жанров древнерусского языка позднего периода. Естественно, обильно привлекается также материал русских говоров (особенно в связи с совершенным типом *он уезавши*, стр. 114 сл. и с интенсифицирующим типом *я уж устала искавши*, стр. 217 сл.). Положение вещей в русском языке несколько раз проецируется на более широкий фон остальных славянских языков, имеются даже спорадические, зато весьма меткие типологические формальные русско-французские сопоставления (ср. стр. 154, 244).

На первый взгляд, книга Ж. Веранка написана „традиционно“. Однако при более внимательном ознакомлении можно обнаружить, что в ее методологической основе лежит структурный, функциональный подход к пониманию излагаемых фактов, обогащенный принципами количественного языкознания. Положения структурного понимания языковой системы, правда, нигде не высказываются автором эксплицитно, декларативно, однако они как бы пронизывают большинство произведенных индуктивных наблюдений: автор старается обобщать, искать инвариантных значений, вскрывать системные взаимосвязи и корреляции. Тонкие, детальные интерпретации избранных типовых примеров, весь метод трактовки теоретических аспектов проблематики, как и умение использовать некоторые приемы трансформационного синтаксиса (работа была написана до 1962 г.) не оставляют ни малейшего сомнения в высокой теоретической эрудиции автора как современного исследователя, работающего по принципам структурной, функциональной методологии.

Труд Ж. Веранка имеет не только синтаксический, но также и морфологический характер. Мало того: там, где это необходимо, автор учитывает также и взаимодействие со стороны звукового плана (новое доказательство его структуралистской ориентации), ср. его предположение о возможном взаимовлиянии на функцию благодаря звуковой близости форм на *-вши* и причастий на *-вший*, или же о связи деепричастных форм на *-в* с претеритальной личной формой на *-л* (*написав* / *написал*), или, наконец, объяснение

выхода из употребления морфологических построений вроде *пришедши* и замена их формами типа *придя*, как и утраты форм типа *испекши, изнемогши* по причинам неблагозвучия.

Автор построил свою книгу с привлечением богатой научной литературы (отражением этого является, между прочим, внушительный список библиографии), со знанием истории решения данной проблематики до мельчайших подробностей. Почти одновременно с ним работали над подобной тематикой Р. Вечерка (книга о старославянских причастиях, 1961 г.), Р. Ружичка (тематически аналогичная работа, 1963 г.) и несколько позднее В. Барнет (исследование развития действительных причастий и деепричастий в русском языке, 1965 г.), однако все эти четыре книги возникли совершенно независимо от результатов исследования остальных авторов; остается только пожалеть, что работа проф. Барнета (по собственному примечанию в его книге, на стр. 181) не использовала научных достижений французского рустиста. Вообще, напрашивается, небольшое сопоставление книг обоих этих рустистов: Книга В. Барнета (несомненно высокого уровня) представляет, скорее, макроанализ, очерк общих проблем с постоянными попытками улавливать не детали, а „генеральную линию“, добиваться синтеза. Она менее обширна (всего 191 стр.), но охватывает более широкую тематическую область и более широкий хронологический диапазон — в ней имеются рассуждения о генезисе причастий в индоевропейском языке, а современное состояние стоит как будто на периферии внимания автора. Барнет декларативно подчеркивает необходимость системной, структуральной методологии, на протяжении всего труда стремясь применять эти принципы при трактовке материала, стараясь во что бы то ни стало доказывать их правомерность. Наконец, его работа носит преимущественно синтаксический характер, партиципальные обороты рассматриваются всегда в качестве конститутивных компонентов строя всего предложения в целом, их развитие связывается с динамикой развития фразовых структур. Ж. Веранк, напротив, дает прежде всего поразительно тонкий микроанализ, в котором структурные приемы играют, скорее, имплицитную роль.

Хотелось бы отметить еще некоторые моменты, вызвавшие критические замечания рецензента. Они весьма немногочисленны и затрагивают большей частью не столь существенные вопросы. Так, вряд ли можно согласиться с употреблением некоторых лингвистических терминов, принятых, вероятно, во французской синтаксической науке, однако мало обычных у большинства славистов, иногда даже затрудняющих понимание излагаемых явлений; например, предикативная функция деепричастий обозначается постоянно в виде функции „атрибута“ (напр. стр. 97), названия „аппозиция“ (*покраснев, он себя выдал*) и „непосредственная аппозиция“ (*apposition immédiate*, напр. *он стоял нагнувшись*) связаны в сознании славистов-нефранцузов обычно с чем-то другим, под „прономинальными формами“ имеются в виду возвратные формы (поэтому утрата возвратности называется в книге „депрономинализацией“). Возможно, отдельные предположения или заключения Веранка не лишены некоторой доли субъективизма (ср. отношение форм на *-в* к формам на *-л*); если предпочтение одной из форм (*-в-вши*) в известной степени было делом индивидуального употребления и вкуса отдельных писателей, то возникает мысль о том, не следует ли даже точные подсчеты и статистики кое-где принимать с некоторой условностью. Наконец, можно предложить, чтобы в будущем не употреблялись при цитации примеров сокращения вроде: П = Невский проспект, Гоголь, I = История одного города, Салтыков-Щедрин, и т. п.

Труд проф. Ж. Веранка представляет знаменательный вклад в систематическое изучение исторической грамматики русского языка. Русисты признательны автору за проделанную колоссальную эвристическую работу, за все те усилия, которые им были приложены на пути успешного составления книги. Остается высказать пожелание, чтобы книга могла стать легко доступной русистам в славянских странах, поскольку они, вне всякого сомнения, во многом будут опираться на ее результаты.

Роман Мрагек

Nové edice starých lužickosrbšských textů

V roce 1967 byla slavistika zásluhou profesora lipské university H. Schustera-Šewce obohacena o dvě významné edice, které zpřístupňují staré lužickosrbšské jazykové prameny: je to jednak historická chrestomatie *Sorbische Sprachdenkmäler* · 16. — 18. *Jahrhundert* (v edici Spisy Institutu za serbski ludospyt vydala Domowina, Budyšin 1967, 512 stran a fototypické přílohy), jednak edice důležité dolnolužické památky *Das niedersorbische*